

ЭЛЛА РЭЙН
наследница

АКАДЕМИЯ МАГИЧЕСКИХ ИСКУССТВ – 2

Аннотация

Никто и подумать не мог, что первые зимние каникулы за пределами Академии и наступившее совершеннолетие преподнесут столько сюрпризов адептке Видане Берг. Мало того, что она оказалась наследницей одного из древнейших родов империи под Черной Луной, так еще и нажила врагов, которым совсем не хочется соглашаться с таким раскладом. И перед Виданой встает непростой выбор: ввязаться в смертельную игру или отказаться от нее и пожалеть об этом впоследствии.

Элла Рэйн

Наследница

Долгая зимняя ночь подходила к концу, когда неслышно открылась дверь. Я мгновенно распахнула глаза, темная мужская фигура появилась в моих покоях.

— Видана, вставай. Конечно, еще очень рано, но случилось нечто неожиданное, нам нужно поговорить, и у меня есть небольшое задание для тебя. Я не знаю, когда вернусь в замок обратно, — у кровати стоял попечитель, — одевайся, жду тебя в библиотеке.

Через несколько минут я вошла в библиотеку. Лорд Тример сидел за дальним столом, освещаемый магическим светильником, его уставший вид говорил, что уснуть он не успел.

— Что случилось? — Я села напротив.

— Сегодня ночью в Вечность ушел Хурин Мордерат. Если ты читала свитки, то знаешь, он был наместником императорского престола после смерти Фетарха X. С сегодняшнего дня в империи объявлен траур. Меня могут вызвать в императорский дворец в любой момент, поэтому внимательно слушай и запоминай. Записывать не нужно, все сделаешь потом, в своем кабинете.

— Лорд Тример, так может лучше перейти в

мой кабинет? — я вспомнила Мессалину.

— Не нужно, здесь нет никого, я проверил.

— Хорошо, я Вас внимательно слушаю, — поторопила я, если сейчас он исчезнет, то не услышу, для чего меня подняли с постели.

— Для начала, Хурин Мордерат был талантливым финансистом и много лет до смерти своего племянника Фетарха X — а затем, когда нынешний император Гедарн V вошел в возраст и получил право взойти на престол, — возглавлял Финансовую канцелярию. Он как никто другой разбирался в хитрейших финансовых схемах, опутавших всю империю, и несколько раз разрушал планы нечистых на руку финансистов, прежде чем они успевали обвалить денежную единицу империи — къярд. Хурин всегда был сторонником золотого обеспечения къярда. Уже многие годы, определенные круги, пытаются уговорить императорскую власть отвязать къярд от золота, он пресекал эти попытки. Наместник был энциклопедически образованным человеком и постоянно повторял, что под нашим солнцем нет ничего нового, все уже было. И вот его не стало, все произошло слишком быстро, похоже, он стал серьезной преградой для чьих-то планов.

— Но попечитель, я ничего в этом не понимаю, как я могу помочь? — сон как рукой сняло от удивления.

— Видана, впереди еще целых десять дней каникул. Тебя никто не будет дергать, у меня огромная просьба, пересмотри все свитки за последние двадцать лет. Вдруг, что-то всплывет: какой-то случай, фамилия. Записывай все, что тебя заинтересует. И еще такой момент, в кулуарах дворца ходили слухи, что наша исчезнувшая фрейлина брала уроки финансовой науки у Хурина.

— Магистр, а многие ли помнят, как выглядела леди Амбрелиаз? — вдруг спросила я.

— Есть картины с ее изображением, но умная женщина может сотворить со своей внешностью, все что угодно. При обычной внешности можно нарисовать как красоту, которую сложно позабыть, так и уродство. Так что в действительности, мало кто может вспомнить, как леди Амбрелиаз выглядела.

— А Вы ее помните? — он художник, а они в состоянии запомнить лицо только единожды увидев его.

— Ну скажем так, я фрейлинами императорского двора никогда не интересовался, — ответил лорд Тримеер. — Видеть ее, конечно, видел. Помню только обилие косметики на лице, и потому есть подозрение, что она приучала всех к тому, чтобы ее настоящее лицо не знали.

— Видана, — он внимательно смотрел на меня, — у меня возник вопрос, а ты так меня и

будешь всегда лордом Тримеером или попечителем звать?

— А что Вам не нравится? — я, конечно, понимала, что такое обращение бросалось в глаза.

— Ну, как сказать, — лорд улыбнулся, — есть и другие варианты.

— Дядей я Вас называть не буду, извините, а по имени... — я замолчала, — разрешите оставить: лорд Тримеер, попечитель или магистр.

— Хорошо, оставим все как есть, — согласился он, — большое я тебе задание выдал. Ты сейчас спать пойдешь или как?

— Нет, не пойду. Я, пожалуй, свитки достану и начну потихоньку изучать. У меня какие-то мысли странные крутятся. Вы сказали вчера, что своих детей у Брюса не было, а что, есть чужие?

— Да, есть ребенок у его женщины. Они вместе много лет, но я ее близко никогда не видел. С ее появлением Брюс остепенился и стал вести упорядоченный образ жизни, почти перестал посещать различные вечеринки, до которых был охотником в прежней, холостяцкой жизни. Они появляются два раза в год на императорских балах, а вот во всем остальном Брюс стал очень скромн.

— В смысле, у женщины? Брюс не женат? — как то нехорошо удивилась я, — это разве правильно, он же глава рода?

— Ну, как я и сказал, он просто

местоблюститель главы рода, ему это совсем не в радость, он актер по жизни. И не будь он так талантлив, ему давно дали бы понять представители других родов, что нужно выбирать или глава рода, или сцена. Да и в актерской среде во все времена нравы более свободные, чем в целом в обществе.

— А он хороший маг?

— Будем считать, что свой магический дар он положил на алтарь Мельпомены, это был его свободный выбор. Нисходящие линии рода не возражают, видимо, он сумел их убедить, что как только появится наследник рода, место главы рода будет передано без осложнений.

— Здесь все вроде понятно. Но кто она и как принимает такое положение дел? Неужели леди настолько не амбициозна и относится спокойно к тому, что Брюс просто держит для кого-то место, вместо того, чтобы стать реальным главой рода, со всеми вытекающими отсюда возможностями?

— Видан, возможностей у главы рода много, это правда, но и ответственность очень высока. У Брюса просто нет времени, как и желания, этим заниматься. Нужно отвечать за весь род, его положение в империи, за браки всех линий, чтобы силы рода не уменьшались, а увеличивались. А сейчас он просто разрешает браки, не участвуя в подборе претендентов, в рассмотрении их моральных качеств, финансовой составляющей

будущих родственников и многое другое. — Заметив как округлились мои глаза, пояснил, — ты так удивляешься оттого, что вы еще не изучали дисциплину «Родовая магия», она только в следующем семестре у вас начнется.

— Лорд Тримеер, а желтая пресса в этой библиотеке есть?

— Ну, а как же, — улыбнулся он, — матушка и Генри не смогут прожить без этих чудовищных изданий и недели, потому у нас есть желтая пресса, сейчас покажу шкаф, кстати, он не запирается.

Мы подошли к огромному шкафу, находящемуся неподалеку от входа. Лорд открыл дверцы и я онемела, все полки были заложены свитками до самого верха.

— И за сколько здесь лет? — прошептала я прижав ладони к горящим щекам.

— Я думаю, что лет за тридцать точно.

— Прекрасно лорд Тримеер, вот это подарок. Сколько сплетен, в основе которых лежит малюсенькое зерно правды, узнаем, даже подумать страшно. Но если у меня есть время, я постараюсь его провести с пользой, просеять это все и найти то, что укажет ключ к разгадкам.

Попечитель с грустной улыбкой смотрел на меня.

— Видана, а ты не жалеешь, что мы толкнули тебя на такую жизнь?

— Нет, ни капельки. Но Вы же не покинете меня на этом пути? — я подняла голову.

— Я буду рядом столько, сколько ты посчитаешь нужным, — тихо ответил он.

— Спасибо, это самое главное.

Раздалось тихое шипение перехода, и магистр сказал: «Ну вот, меня вызывают. Читай, потом расскажешь». И исчез.

Я подумала, подтащила стремянку и полезла наверх. На верхней полке оказались издания тридцатилетней давности. Достала несколько тугих свитков и отправилась к столу, за окном еще было темно, пять часов утра. В замке стояла тишина, и я удобно расположившись в кресле, погрузилась в изучение. Странно, но на свитках не было пыли, нужно будет поинтересоваться, кто последний их читал.

Читала по диагонали, перелистывая свиток за свитком, месяц за месяцем. Пока ничего примечательного, тут папарацци застукали актрису в обществе старшего советника императора, там, чуть ли не в замочную скважину влезли, чтобы узреть, чем же занимался помощник министра обороны в ресторане в отдельном кабинете. Вроде пришел один, ушел один, но вот пахло оттуда духами, которые очень любит леди Н. Целые свитки не о чем, сплошные фантазии желающих заработать на сенсациях. А вот леди Г. вышла

замуж за человека, а он ей по возрасту скорее внуком является, нежели супругом. Этому событию посвятили целых два свитка. Рисунки счастливых молодоженов, поздравления поклонников и интервью с коллегами, одни из которых поздравляли, а другие язвили, не стесняясь в выражениях. Ну ничего стоящего, как такое можно читать?

На свиток, в котором обсуждалась очередная годовщина трагедии в замке Рэдривел, я наткнулась неожиданно, это как промывают песок часами, а потом бац! и золотник, крошечный, но ведь золотник.

Версии, выдвигаемые в свитке были самые разные: от предполагаемого побега в другое государство до убийства хозяев замка своими слугами, которые потом закопали тела в тайном месте.

Я внимательно читала заметку за заметкой, и постепенно начала складываться мозаичная картинка, в которой то здесь, то там стали появляться незаполненные места.

Неожиданной смерти родителей Уны, случившейся через месяц после ее замужества, предшествовало появление в замок Рэдривел гости. Незнакомка из какого-то Ордена империи была представлена слугам, как дальняя родственница семьи Блэкрэдсан. Она появилась

через неделю после свадьбы Уны и Эдварда и очень переживала, что не смогла присутствовать на брачных торжествах. Три недели эта дама и Уна были фактически неразлучны. Как вспоминала потом одна из служанок, матушка Уны все силилась вспомнить, в каком родстве с ними была Лавиния, но так и не смогла. А через день после того, как гостя покинула замок, родители Уны скончались.

Может, это и посчитали впоследствии случайностью и не вспомнили об этом случае, если бы газетчик не утверждал, что незадолго до исчезновения Уны и Эдварда замок посетила представительница Ордена, покинувшая его за пару часов до трагедии. Сказать о том, к какому конкретному Ордену имели отношение черные гости, никто не мог, его просто не называли. Я выписала имя газетчика, пометила, в каком номере и за какой год была опубликована заметка, и подумала о том, что нужно будет постараться с ним встретиться и пообщаться. Слуги утверждали, что, когда Эдвард улетал на службу, Уна закрывалась в своей маленькой лаборатории, вход в которую никто не мог найти, знали только, что эта комната существует.

Я отложила свиток в сторону, а что если подросшая Уна сознательно нашла комнату Эллана и проводила там все свободное время, вполне

возможно, что там было что-то еще, а не только магический дневник и несколько книг. Но пока это были только мои предположения.

Дверь открылась, и появилась Каменя с требованием от леди Амилен, спуститься в гостиную и позавтракать вместе с родными. Отказываться не входило в мои планы, и через несколько минут я входила в гостиную.

Все, за исключением моего попечителя, были за столом и обсуждали происшедшее. Леди Амилен рассказывала, каким удивительным человеком был лорд Хурин, как был внимателен и учтив, умен и очень предан своей семье. Лорд Генрих вспоминал, как покойный приезжал проверять финансовое управление военного округа, в котором он в молодости служил. Много добрых слов от старшего поколения и странные, очень довольные глаза у жениха Генриетты, который, как выяснилось, служил в одном ведомстве с бывшим заместителем. Только Альбер, внимательно слушая разговоры за столом, почему-то помалкивал.

— Ну может, сейчас молодые финансисты смогут получить повышение по службе, — прервала родителей Генриетта, — сколько можно держать их на задворках, они тоже должны иметь возможность показать себя, не правда ли дорогой? — она повернула голову в сторону жениха, ожидая от него поддержки.

Однако лорд Рофальдер невесту отчего-то не поддержал, а вот глаза у него забегали, что заметила не только я, но и Альбер, который делал вид, что не обращает ни на кого внимания за столом, а увлечен яичницей, дымившейся в тарелке перед ним. А вот это уже странно, и где служит дядюшка Альбер, нужно будет уточнить у него самого, и в тоже мгновение увидела, как он скосил в мою сторону глаза и усмехнулся краешком губ. Ну понятно, могла бы и сама догадаться, семейственность никуда не денешь, за столом находился еще один представитель Тайной канцелярии. Прикрыв глаза в знак согласия со мной, Альбер повернулся к жене и налил ей в чашку сливки из молочника, Тария расцвела.

— Деточка, — леди Амилен смотрела на меня, — Камея обнаружила тебя в библиотеке. Как давно ты там оказалась, тебе не спалось?

— Я рано проснулась и решила заняться делом, — объяснила я столь ранее появление в библиотеке.

— Как жаль, — вздохнула Амилен, — такая трагедия и, увы, зимние балы отменены в знак траура. Тебе даже нечем развлечься, только и остается, что сидеть в библиотеке.

— Мама, но похоже, Видану это совсем не расстраивает, я сейчас про времяпровождение в библиотеке, — улыбнулся Альбер, — она в этом

отношении удивительно похожа на Ольгерда, тот тоже готов читать сутками.

— Ну, она досидится в библиотеке, — встряла Генриетта, — и замуж никто не возьмет, останется ни с чем.

— Генри, ты бы помолчала, что ли. Вот уж ты в библиотеках никогда не сидела, но и замуж еще никак не выйдешь. Вы сколько лет в жениха-невесту еще играть изволите? — Альбер в упор смотрел на Рофальдера.

— Альбер, вот получу повышение по службе, и тогда сыграем свадьбу, что ты так переживаешь?

— Ну да, ну да, — закивал Альбер, — вот получу повышение по службе, заработаю пятый миллион, куплю еще пару домов в столице и тогда, может быть, подумаю о женитьбе. Слышу уже не первый год. Ты бы так сразу Генри и сказал, извини, дорогая, но я подыскиваю другую партию, пока не нашел, посижу рядом с тобой, — голос его становился язвительным, а глаза ледяными.

— Зачем ты так Альбер, мы поженимся сразу, как закончится траур в империи, правда же, Генри, — и Рофальдер повернулся к Генриетте.

— Ну так и занимайтесь своей свадьбой, а Видану оставьте в покое. Без вас разберутся, когда ей выходить, за кого выходить. А мы с Тарией надеемся, что ты не откажешься стать крестной матерью нашему первенцу, — Альбер и Тария

смотрели на меня.

— Конечно, нет, — обрадовалась я, — с превеликим удовольствием.

— Вот и прекрасно, но мне пора на службу. Тария, если есть желание, можно отправиться домой, в столицу, — предложил он супруге.

— Нет, Альбер, я лучше останусь здесь. Сяду с Виданой в библиотеке и буду вязать.

Завтрак продолжался, но Рофальдер напоминал мне маленького взъерошенного зверька с черными глазками-бусинками, загнанного в угол. «Как странно, Генриетта представительница богатой, могущественной семьи, что не так?» — подумала я и решила, что данным вопросом пусть занимаются ее братья, а у меня других дел достаточно.

Мягкая загадочная улыбка скользнула по лицу Альбера, он поднялся, поцеловал жену и, попрощавшись со всеми, покинул гостиную.

* * *

Мы сидели в библиотеке. Тария рукодельничала, а я углубилась в свитки, когда распахнулась дверь и на пороге появился мой попечитель.

— Тария, ты не обидишься, я ненадолго украду Видану? — спросил он, мгновенно оценив

обстановку.

Я вышла за ним из библиотеки и прошла в гостиную.

— Посиди со мной, пожалуйста, расскажи, что нашла. Меньше всего сейчас хочу допросов от матушки и Генри, а это случится, если я буду один, — попросил он меня, усаживаясь за стол, — я чаю тебе налью.

Поставив передо мной чашку с чаем, лорд Тримеер приступил к завтраку, приготовившись слушать меня.

— Магистр, меня заинтересовал один журналист, я выписала данные, он писал репортаж об исчезновении Уны и Эдварда. И я подумала можно ли мне с ним пообщаться? Его зовут, — я достала свиток, — Кальвен Уайт.

— Видана, — магистр отложил в сторону вилку, — Кальвен Уайт погиб через месяц после опубликования репортажа.

— Как? — потрясенно спросила я, — почему?

— Видишь ли, Кальвен был талантливой газетной ищейкой. Он умудрялся проникнуть туда, куда другим был закрыт путь. Репортер мог разговорить любого человека и достать такие сведения, что многим сотрудникам Тайной канцелярии оставалось только давиться слюной от зависти и мечтать о его успехах.

— А как он погиб? Понятно, что это было

давно, но Вы знаете об этом, значит, в курсе и его гибели, — у меня в голове не укладывалось, что из-за какой-то заметки в «Дамском угоднике» газетчика могли убить, о чем я не преминула сообщить Тримеру.

— Так он потому и отдал эту статью в желтую прессу, что другие издания отказались ее печатать. Если мне не изменяет память, в статье упоминается один из Орденов империи, а они могущественны и заткнут рот любому, кто попытается пикнуть против них, — пояснил магистр и продолжил трапезу.

Я задумалась, неужели он так близко подошел к разгадке тайны, что его убили?

— Думаю, не только за историю Уны и Эдварда, но и за многие другие тайны. Ему частенько сливали информацию из Финансовой канцелярии, и он готовил такие удивительные обзоры, что при их перечитывании возникает мысль, а не пользовался ли кто его именем?

— Лорд Тример, а близкие у него остались? — спросила я в надежде на утвердительный ответ, — может, по этой линии что-то выяснится?

— Видан, а как тебе Модеус, библиотекарь нашей канцелярии? — неожиданно спросил Тример, — спрашивал о тебе сегодня и просил передать, что будет рад помочь юной леди с

литературой.

Поставив локти на стол, переплела пальцы и, положив на них подбородок, я задумчиво смотрела на попечителя.

— А как давно он работает в библиотеке? Я к тому, что возраст у Модеуса определить сложно, как я поняла, годков двадцать он уже в библиотеке, но при этом производит впечатление человека молодого, лет тридцати, не более. Но будет ли мужчина работать в таком месте, если он сам не занимается изысканиями или ему ничего не грозит? И еще, такой меркантильный вопрос, а можно ли прожить на зарплату библиотекаря мужчине и его семье?

— Ты умница, — грустно улыбнулся попечитель, — девочка как же тяжело таким умным в патриархальном обществе, где всем заправляют мужчины. Модеус одинокий и скрытный человек. Он живет со старенькой мамой, ему, конечно, не тридцать, а далеко за пятьдесят, и появился он в библиотеке вскоре после исчезновения родителей твоей мамы, так зафиксировано в наших документах. Мне показалось, что он хочет пообщаться с тобой.

— А можно прямо сегодня? — спросила я, — мне просто интересно поговорить с человеком, отдавшим большую часть жизни библиотеке Тайной канцелярии. А изображения Кальвена

имеются?

— Конечно, в деле о его гибели есть прижизненные и с места убийства. Сам я его живым не видел, юн был, но вот дело изучил вдоль и поперек, правда, давно это было, в начале моей службы. Интересный такой парнишка был, колоритный. Носил длинные грязные волосы, все тело было в татуировках, даже на щеке была татуировка в виде черепа. В уголовном деле записано, что при осмотре тела убитого выяснилось, это и не татуировки даже, а так, обновляемые рисунки. Вот такой своеобразный антураж. И родных не нашли. С Кальвеном вообще странностей немало обнаружилось: родился на границе империи, получил в столице неплохое образование, но кем он был на самом деле, неизвестно до сего дня. Вроде как был человек, а погиб, и миллион вопросов, а был ли он? Дело не закрыто, но и заниматься им никто не рвется, родных нет.

— Так, может, весь антураж и был нужен для того, чтобы в один момент взять и исчезнуть с поля зрения. А затем появиться в своем истинном виде, под настоящей или вымышленной фамилией и вести тихий, ничем не примечательный образ жизни, — предположила я.

— Ольгерд, что ты творишь? — раздался негромкий голос от двери, — ты какую жизнь

девушке готовишь, на что ее обрекаешь? Ладно, Минерве повезло, Рэндал позволяет ей все, он же ее и прикрывает всегда, а Видану кто страховать будет?

— Альбер, ты чего испугался? — спокойно спросил старший брат, — я и буду прикрывать, да Минерва с Рэндалом на пару, а потребуется, и ты. Никто Видану в обиду не даст, и конечно, кричать на всех углах о ее участии в расследовании тоже никто не будет.

— Мда, ну вам виднее, конечно, но своей дочери я не позволю такого, никогда. — Дверь за Альбером закрылась.

— Как сказать, — улыбнулся лорд Тримеер, — жизнь покажет какая девочка родится, если такая же боевая, как ты, то увидим, как скоро она родителями командовать начнет.

— Ну что, Вы возьмете меня в библиотеку? — спросила я.

— Давай ты сегодня поработай в нашей библиотеке, в парке погуляй с Тарией, а завтра с утра пораньше захвачу тебя и оставлю у Модеуса. Я сейчас к императору, в канцелярии буду позднее, а показывать тебя во дворце в мои планы не входит, — решил попечитель.

— Вы поздно сегодня вернетесь? — уточнила я.

— Еще не знаю, если пожелаешь, дождись,

поговорим. А устанешь, то ложись спать, поднял тебя я очень рано, расскажешь о том, что найдешь, завтра.

Вот только все планы оказались неожиданно сорванными.

Я вернулась в библиотеку и продолжила свои поиски. В какой-то момент обнаружила статьи в которых утверждалось, что для финансового состояния империи было бы намного лучше освободить къярд от обеспечения золотом и дать возможность Монетному Двору печатть деньги в неограниченных количествах, что позволило бы сделать богаче население. Статьи, скорее заметки, появлялись с периодичностью раз в две недели, и разными словами, интонациями били в одну точку. При этом, в них постоянно намекали, что некоторые профессиональные издания, которые, конечно, не назывались, не желают опуститься до дискуссии с «Дамским угодником» в силу своей дутой элитарности и неумения общаться на простом, доступном языке.

«Молодцы, — промелькнула у меня мысль, — и правильно делали. Спорить с бульварной прессой, значит лить воду на ее мельницу, позволяя создать образ псевдо-интеллектуального издания и увеличивая ему этим тиражи».

— Тария, — обратилась я к ней, — а ты не в курсе, «Дамский угодник», он как, только для

магических кругов или его все касты читают?

— Конечно, все, — она оторвалась от вязания, — это одно из самых популярных изданий в империи, обо всем понемногу называется. Там и сплетни про публичных персон, которые так любят читать все домохозяйки, и статьи о политике, экономике, криминальные новости. Вот почитал, и кажется, в курсе всех дел империи и почти профессионал во всех вопросах. Можешь в дамском салоне за чашкой чая обсудить новости: о военных действиях с Дальним Королевством, о недостаточной подготовке наших финансовых магов, отчего они никак не могут решиться на денежную реформу, а все живут по старинке, не то что в Подлунном Королевстве. Там реформу провели, население кредитов на радостях нахватало, набрало всякого товара, все рады и счастливы, — Тария улыбнулась, — я в этом не разбираюсь. Но Альбер сказал, что это был настоящий обман, и население сейчас в долгах по самые уши, а финансисты и банкиры стали еще богаче.

— Тария, пойдем гулять. Попечитель говорил что-то о парке, покажи мне его, — попросила я, — а вернемся, может быть, закончу сегодня пересматривать «Дамский угодник».

— Конечно, пойдем, а «Дамский угодник» от тебя никуда не убежит, его можно и к себе взять

перед сном полистать, — посоветовала она.

Парк был огромен, расчищенные от снега тропинки тянулись далеко вперед, и мы спокойно гуляли, разговаривая на разные темы. Тария по моей просьбе рассказала о своей семье. Я удивилась, узнав, что она никогда не видела Брюса, вопрос с браком был улажен ее родителями, когда она училась на последнем курсе в Академии магических искусств.

— Странно, но я тебе совсем не помню, — удивленно сказала я.

— Это не удивительно, — она улыбнулась, — наши пути не пересекались по причине того, что у нас разница в несколько лет. Ты поступила учиться на первый курс, а я заканчивала пятый. На занятиях мы встретиться не могли, наш учебный корпус далеко, а в жилом корпусе наш курс жил на первом этаже. А потом: форменная одежда, разные столы в общей столовой, да мало ли причин.

— Тария, а у тебя есть генеалогическое древо рода Блэкрэдсан?

— Нет, оно имеется только у Регины, а она много лет назад понесла очень серьезную потерю и старается очень избирательно общаться с родственниками. Мама говорит, что ее нервная система подорвана, она раздражительна, а так как для рода слово Регины закон, она старается лишний раз ни с кем не общаться.

— Не поняла, разъясни, пожалуйста, мы «Родовую магию» еще не проходили.

— Настоящим главой рода является не мужчина, — пояснила Тария, — а женщина, Регина. Она владеет всей информацией, это с ее совета и благословения заключаются браки, передаются знания. Понимаешь, если Регина проклянет, значит, проклянет, и это не шутка, проклятие будет действовать. Если благословит, благословление открывает врата судьбы, и здоровье, удача будут сопутствовать тебе.

— Тария, — мне показалось, что в ее словах была обида, — а Регина, она благословила ваш с Альбером брак?

— Нет, она отказалась даже встретиться с родителями и со мной. Мотивируя это тем, что я ухожу под покровительство могущественного рода и ее благословение для меня ничего не значит.

— Из того, что ты сказала ранее, очень странное заявление, — заметила я.

— Регина — это титул, а зовут ее леди Амалия, она давно озабочена поисками преемницы. Но подобрать пока не получается. Понимаешь, прямая линия, она как замороженная. Все знают, наследник есть, но кто он и где находится, не известно. В прошлом году моя мама по секрету сказала, что наследнику пятнадцать лет, и в скором времени его начнут вывозить в свет. Ожидалось,

что именно на этих праздниках мы и увидим его, а тут такое. Хурин Мордерат погиб, конечно, никаких балов на все время траура, сие интригующее событие переносится на летний бал в честь Черной Луны.

— Тария, а что дает, лично для тебя, появление наследника?

— Ну как, это серьезное событие для всего рода и, кроме того, Регина может подобреть, и мой будущий малыш получит ее благословение. Это очень важно для каждого из нас — быть под покровительством рода. Я понимаю, ты росла вне всех этих знаний, но интуитивно ты это понимаешь, а как еще можно объяснить твою прогулку на кладбище ранним утром? Девушка, впервые оказавшаяся в родовом замке, идет на кладбище к предкам. Это не просто дань уважения. Альбер сказал, что ты шла целенаправленно, знакомиться.

— А у Тримееров кто Регина?

— О, это очень интересная леди, ты ее обязательно увидишь, леди Гертруда. Ее ожидают в гости со дня на день, она мать лорда Генриха.

— Мои красавицы! — к нам спешил он собственной персоной. — Пора домой, темнеет, вы замерзли, и скоро ужин. И да, у нас гости, моя матушка, леди Гертруда, прибыла раньше и хочет вас видеть.

Мы переглянулись и пошли к замку. Краем

глаза я ухватила чье-то стремительное движение, оглянулась, никого.

— Потом одна придешь, — услышала я голос, — тогда я покажусь, познакомимся. Мы тебя давно ждем, целых шестнадцать лет.

Лорд Генрих и Тария ничего не замечали и увлеченно обменивались мнением о девчоночьих именах.

— А вы кто? — мысленный вопрос.

— Эльфы мы, Королевство Белой звезды знаешь? Вот оттуда.

— А почему дедушка и Тария наш разговор не слышат?

— Им и не положено. Вот Ольгерд будь здесь, все бы услышал.

— Хорошо, я приду.

— До встречи, Видана, мы будем ждать.

* * *

Малая гостиная замка была ярко освещена. В большом удобном кресле сидела сухопарая пожилая леди в темно-синем бархатном платье, с огромным белым шелковым воротником. Седые волосы были зачесаны назад и собраны в пучок, который удерживала сеточка, затканная мелкими драгоценными камнями. В ушах — золотые серьги с синими камнями, пальцы рук унизаны перстнями

с такими же синими камнями. На лице ни единой морщинки, отменный макияж, уменьшивший возраст леди Гертруды лет на двадцать, но все портили брезгливо поджатые губы.

Оглядев нас с Тарией, она величественно кивнула леди Амилен.

— Дорогая Амилен, ты подобрала неплохую партию для Альбера. Уверена, наш мальчик не разочарован Тарией.

— Да, леди Гертруда, — ответила бабушка, — они действительно прекрасная пара. Но я ума не приложу, что делать с Виданой? Она сорвала все помолвки, что были предложены ей, и отбивается руками и ногами от женихов. Но что самое печальное, Ольгерд поддерживает ее в этом.

— Амилен, — насмешливо спросила Регина, — а разве на повестке дня должен стоять вопрос о малышке Видане? Я уверена, что пока это преждевременно, — она вдруг подмигнула мне, — у тебя должна быть на первом плане другая головная боль. Генриетта, моя любимая внучка, ее нужно выдать замуж, а вот Видана подождет. Дитя, — она с лукавой улыбкой в глазах, смотрела на меня, — ты же не обидишься?

— Конечно, нет, леди Гертруда, — я опустила в реверансе, сама не поняла, зачем это сделала. Подняв на нее глаза, удивилась, Регина смотрела на меня с нежностью.

— Но с Генриеттой все в порядке, — начала леди Амилен, — лорд Рофальдер...

— Амилен, — прервала ее свекровь, — их помолвка длится четыре года, но они не адепты академии, чтобы ждать ее окончания и только потом пожениться. Генриетте, на минуточку так, к тридцати годам. Я прислушалась к мнению наших мальчиков и настаиваю, либо Генриетта и Рофальдер заключают брак сразу по окончании траура, либо помолвка расторгается, и моей внучке подыскивается другая брачная партия.

Лицо леди Амилен покрылось красными пятнами, и она, беспомощно взмахнув руками, умоляюще выдохнула:

— Леди Гертруда, мама! О чем Вы говорите, это невозможно! Мы получим настоящий скандал, Генри будет опозорена.

— Неужели, — ехидно спросила леди Гертруда, — а сейчас что происходит? Рофальдер последние полгода днюет и ночует в замке, везде появляется с Генриеттой, но не женится. Дорогая, слухи уже поползли, а еще поговаривают, — я наострила уши, — что сей пострел объявился в нашем семействе не просто так. Вспомни, Ольгерд был против их помолвки, он не доверяет Рофальдеру. А впрочем, Амилен, что мы спорим? Пригласи сюда Генриетту и ее жениха, все и выясним.

— Тария, голубушка, — обратилась к ней Регина, — ты не устала? Я вижу, этот спектакль тебе не по душе. Иди к себе, отдохни, а встретимся за ужином. А ты, малышка, — она смотрела на меня, — давай поближе садись, мне будет нужна твоя помощь. Все, что сейчас будет происходить — ты в спектакле не участвуешь, ты только зритель, сторонний наблюдатель — твоя роль, наблюдать, слушать, и потом я хочу услышать твою оценку.

Я взяла стул и села немного в стороне от нее, у окна. Вся гостиная была у меня как на ладони. Регина одобрительно кивнула головой и выпрямилась в кресле, послышались шаги, и дверь распахнулась.

— Бабушка, — с радостным возгласом к ней бросилась Генриетта. Вот только от нас не ускользнуло, что ее глаза, тщательно припудренные, выдавали недавние обильные слезы.

— Генриетта, малышка, как я рада. А где твой жених, он не хочет поприветствовать меня? — величественно спросила леди Гертруда.

— Ну что Вы, леди Гертруда, — раздался несколько заискивающий голос, — как только узнал, что Вы прибыли, сразу поспешил сюда.

Рофальдер попытался покровительственно взять Генриетту за руку, но она отдернула ее как от удара. Он недоуменно развел руками и занял кресло за столом.

— Рофальдер, — вкрадчиво произнесла Регина, — меня мучает один вопрос: Вы собираетесь жениться? По столице, знаете ли, идут слухи, что у Вас есть некая молодая особа, которой Вы дали такое обещание, и эта девушка не моя внучка.

— Ложь, леди Гертруда, это оговор, — взорвался Рофальдер, но при этом его лицо густо покраснело и глаза забегали, — как Вы могли в такое поверить? Вы такая мудрая женщина...

— Конечно, конечно, — согласилась она, — мудрая, потому и спрашиваю, что привело в наш дом Вас, лорд Рофальдер?

Я, как мне и велели, просто сидела и наблюдала.

— Леди Гертруда, — хрипло попросил Рофальдер, кивнув в мою сторону, — пусть она уйдет. Не люблю ищеек, а с ее появлением в доме я потерял покой. То Ольгерд не спускает с меня глаз, нет его, этим занимается Альбер, а когда они оба отсутствуют, то за мной следит эта девчонка.

— Я? — изумление было настоящим. — Вы ничего не путаете, лорд Рофальдер, не слишком ли много чести, чтобы я следила за Вами?

— А зачем тогда Ольгерд приволок тебя сюда? Неужели ты действительно поверила, что твоя мать леди Артиваль Тримеер? Наивное дитя. Твой попечитель прекрасно знает, кто настоящая

дочь его сестры, и бережет девушку, а ты только расходный материал. Ты здесь для того и появилась, чтобы вынюхивать, выслеживать и мешать достойным людям. Твое дело выполнить всю грязную работу, — он злорадно улыбался, — а потом ты просто исчезнешь. Нападение, твое распростертое тело на снегу, лужа крови. Старики поплачут, но быстро утешатся, и жизнь пойдет своим чередом, но уже без тебя.

— Довольно, — властный голос Регины прервал его, — Видана настоящая дочь Артиваль, точка. А вот чем Вы здесь занимались предстоит ответить.

— Неужели? — ехидно спросил он и добавил, — я думаю, леди, что Ваша компания мне не интересна. Генри, ты умница, но вот твои родственники... они не устраивают меня, прости. Помолвка расторгнута, — и с этими словами Рофальдер выскочил за дверь. Послушалось шипение, Генри метнулась к дверям, распахнула, переход закрылся перед ее носом.

На негнущихся ногах Генриетта дошла до кресла, в котором только что сидел ее, теперь уже бывший жених, и рухнув в него, зашлась в слезах.

— Поплачь, малышка, поплачь, — произнесла Регина, — но хвала Черной Луне, что все вскрылось сейчас, а не затянулось еще на несколько лет.

— Бабушка, миленькая, что мне сейчас

делать? Мне же будут смеяться в лицо, зачем он так поступил со мной?

— Леди Гертруда, — потерянная леди Амилен едва подбирала слова, — как нам избежать скандала, что будет с Генри?

— А мы сейчас узнаем, — вдруг безмятежно сказала та, — устами младенца глаголет истина. Видана, твои мысли.

— Нашли у кого спрашивать, — взревела Генриетта, — это она виновата во всем, из-за нее меня бросил Рофальдер. Он познакомился со мной в тот год, когда Ольгерд привез девчонку в Академию. И каждый раз он ненавязчиво все выпрашивал о подопечной Ольгерда Тримеера, а когда узнал, что она будет здесь на зимних каникулах, вообще был готов не покидать замок.

— Тетушка, а ты вещь что ли, чтобы тебя можно было бросить? Действительно хорошо, что все вскрылось сейчас, а не позднее. Я думаю, что лорд Рофальдер сейчас постарается затаиться, а не ходить по столице с распушенным хвостом как павлин. Это ведь к нему будет масса вопросов, по какой причине Генриетта Тримеер расторгла помолвку? А рассказывать о том, что это он ее расторг, не будет, причину не озвучить. Он же не сможет сказать, что братья невесты не доверяют ему, так что все карты на твоей стороне.

— Какая ты еще маленькая и глупенькая, —

горько вздохнула Генри, — и не понимаешь, что замуж меня не возьмут. Я потеряла несколько лет и не так юна, как ты, например.

— Да не скажите, — я повернулась к леди Амилен, — бабушка, брачную партию Францу Амбрелиозу Вы подбираете? Генри он подходит?

— Видана, — у нее от удивления глаза увеличились, — а откуда ты знаешь о Франце Амбрелиазе? И вообще, я хотела его или с тобой, или с крестницей Ольгерда познакомить и...

— Что? — выдохнула я, прерывая ее, — леди Амилен! Да мы с Тамиллой Рамон ему в дочери годимся. Ни в коем случае, знакомьте его с Генри, а нас оставьте в покое, или я попечителю пожалуюсь.

— Но я пообещала ему, что познакомлю с тобой, — начала бабушка, — Франц слышал о тебе, он в восторге.

— Бабушка, нет, я пропускаю Генриетту вперед, ей приоритет. Знакомьте тетюшку с Францем Амбреализем.

— Правильно, и я того же мнения, — раздался голос лорда Тримеера от дверей гостиной. Он наклонил головой в сторону Регины: «Бабушка, я рад Вас видеть в добром здравии».

— Спасибо, Ольгерд, я тоже рада видеть тебя.

— Воюем? — это он мне.

— Как видите, лорд попечитель.

— Ольгерд, как ты считаешь, — начала Генри,

вытирая слезы, — мне стоит познакомиться с Амбрелиазом?

— Я думаю, да, Генри. Лорд Амбрелиаз — боевой маг, заслужил славу на военном поприще, и о нем только самые похвальные отзывы, в том числе и как о человеке. Он многое пережил, и я, конечно, не сваха, но думаю, что это прекрасная партия для тебя, — мягко сказал старший брат, — уверен, что ты не пожалеешь.

— Какие вы все, однако, удивительные, — негромко произнесла леди Гертруда, — знаешь, Амилен, твоя семья непростая, с вами сложнее, чем с другими линиями, но у вас есть одно качество, отличающее от всех остальных — в случае неприятностей вы смыкаете свои ряды. Вот, казалось бы, малышка Видана с вами всего несколько дней, а какое единодушие в отношении Генри. А ведь бьюсь об заклад, моя внучка уже попробовала ее покусать.

— Бабушка, так на то и семья, — ответил внук, — чтобы в трудностях поддержать друг друга, а в счастливых моментах радоваться вместе.

— Франц Амбрелиаз, — со стеклянными глазами произнесла леди Амилен, — прибудет через час, на ужине, кроме него, будет присутствовать леди Дарнел и леди Вандерлайт, как ты и хотел Ольгерд.

— Прекрасно, — произнесла Регина, —

Амилен, прекрати истерику. Две помолвки ты сегодня обязана заключить — Эдвард и Ирма, Генриетта и Франц. Дитя, — она смотрела на меня, — ты жаждешь освобождения на сегодняшний вечер?

— Да, — обрадовалась я, — мне можно не присутствовать?

— Я думаю, да. Занимайся своими делами, — с улыбкой напутствовала меня Регина.

— Спасибо, — и присев в реверансе, круто развернулась и покинула гостиную. Вслед мне неся горестный стон: «Регина, она же полукровка и слова Рофальдера, а если все что он сказал — правда? Давайте я девочке устрою жизнь...»

Дальше я не слышала, перескакивая через ступеньки, летела в свои покои. У меня еще столько дел на сегодня: свитки досмотреть, всего пара лет осталась, сказки почитать, и вообще, устала я от этих взрослых игр.

Чьи-то руки подхватили меня и отпустили только перед дверями в покои.

— Так можно и ноги переломать, — пошутил лорд Тримеер, направляясь в сторону библиотеки, — как ты, оказывается, по книжкам соскучилась и от семейки устала. Я подожду тебя в библиотеке.

Когда я появилась в библиотеке, лорд попечитель сидел в кресле и перебирал свитки,

которые я оставила на столе.

— Что скажешь по поводу лорда Рофальдера? — он поднял голову от свитков.

— Ничего кроме того, что Вы уже сами знаете, — я села в кресло напротив, — он что-то искал в замке или кого-то.

— А его слова, о том, кто ты? Я надеюсь, что те глупости, что наговорил несостоявшийся жених, ты не приняла всерьез?

— Не поверила ни единому слову, но вот картинка о том, что меня ожидает, задела, — я вспомнила, как подробно все расписал Рофальдер, — не значит ли это, что такая подготовка ведется? Просто я не могу понять, за кого меня принимают?

— Видана, не знаю, могу только догадываться, но давай подождем, мне думается, что в скором времени многое станет понятным.

— Ладно, это пока неважно, слушать будете? Меня в «Дамском угоднике» некоторые заметки удивили. — И я поведала о заметках, пропагандирующих отход от золотого стандарта, намеки на профессиональные издания и рассказ Тарии.

— Да, вот так и организуются мятежи. Людям потихоньку постепенно в глаза и уши вливается яд, по капельке, и в какой-то момент накапливается критическая масса, ложь перекрывает здравый

смысл, и да здравствует кровавый мятеж. Основная цель — государственный переворот и приход к власти тех, кому нынешняя власть не дает возможности развернуться во всей красе: воровать, подкупать, шантажировать, — пояснил лорд.

— Магистр, а о каких профессиональных изданиях идет речь? — я приготовилась слушать и записывать, эту сторону жизни знала плохо, не соприкасаясь с ней в стенах родной Альма-матер.

— Я думаю, что эти шпильки пущены в сторону «Имперского экономического вестника» и «Вестника истории и политологии». Это серьезные издания, и они, конечно, не снизойдут до дискуссии с «Дамским угодником», потому как не *comme il faut*, — поведал он.

— Ольгерд, — в библиотеку вошел лорд Генрих, — гости все здесь. Сын, твое присутствие обязательно. Видана, ты с нами?

— Нет, дедушка. Регина мне разрешила не присутствовать, я к себе.

— Жаль, — произнес он, — может, передумаешь? Мы сядем рядом с тобой и будем наблюдать за смущающимися претендентами на помолвку.

— Папа, не нужно Видане там присутствовать. День у нее был долгий и насыщенный, пусть отдыхает, — предложил сын, — пойдём, не будем заставлять гостей ждать

нас.

Но не успели мы покинуть библиотеку, как распахнулась дверь и влетела бледная с дрожащими губами леди Амилен.

— Видана, ты идешь в маленькую гостиную, — приказала она, стараясь не встречаться со мной глазами.

— Мама, что происходит? — сын с удивлением смотрел на нее.

— Франц, он настаивает, да что там, просто требует знакомства с Виданой Берг, или покинет наш замок и устроит скандал, — горестно прошептала леди Амилен.

— Амилен, — рассердился лорд Генрих, — что ты ему наобещала? Выкладывай сейчас же.

— Ничего, кроме того, что познакомлю с ним. Он что-то знает о ней, и не от меня. Генрих, это правда, не смотри на меня так убийственно. — На саму леди Амилен было страшно смотреть, бабушка была в настоящей панике. Никому не нужны скандалы такого рода, а тут еще и помолвка Генриетты приказала долго жить.

— Бабушка, я сейчас спущусь. Кто еще будет присутствовать в гостиной при столь знаменательном событии? — в моей голове вспыхнул план.

— Все будут в большом зале. Вторая пара уже прибыла, и кроме того, появился Артур Эрмитас.

Так что в маленькой гостиной будете только вы с Францем Амбрелиазом и я. Нам нужно разобраться и все решить, — пояснила она испуганным голосом.

— Так не пойдет. В маленькой гостиной, кроме нас с лордом Амбрелиазом, должен быть ректор, коль уж он здесь, и мой попечитель. А Вы, бабушка, лишняя. Лучше занимайтесь Эдвардом и Ирмой, — взволнованно распорядилась я, не нравилась мне ситуация, ох как не нравилась.

— Видана, — начал попечитель, — ты имеешь полное право отказаться и не знакомиться с Амбрелиазом.

— Спасибо, лорд попечитель, но уже поздно, и мне крайне интересно узнать, что за причина вынуждает вдовца, — я подчеркнула это слова, глядя на него, — требовать знакомства со мной. Я сейчас спущусь, и желательно, чтобы Вы с ректором уже были там, — с этими словами я покинула библиотеку, устремившись в свои покои.

Быстро надев свое любимое платье горчичного цвета и переплетя косу, я покинула гардеробную, а мне навстречу спешила Камея.

— Леди Видана, Ваша бабушка приказала надеть то платье, открытое, что она покупала, и драгоценности.

— И не подумаю, — отрезала я и выбежала из покоев, не слушая ее возражений.

В семейной гостиной меня ждали трое мужчин. Ректор сидел на диване, закинув нога на ногу, магистр и незнакомец в креслах, напротив него. Когда я вошла, незнакомец встал, приветствуя меня, я склонила голову.

— Адептка Берг, — язвительно начал ректор, — принимая тебя в Академию четыре года назад, конечно, я догадывался, что проблем с тобой будет выше этого замка, но чтобы столько... — он ухмыльнулся, — ощущение складывается, что все женихи нашей империи домогаются твоей руки. Наивные... им бы не в прелестные глазки смотреть, а в головку твою заглянуть, мысли почитать, вот интересно, сколько бы их потом осталось?

— Ни одного, лорд ректор, они бы все разбежались, — сухо ответила я, открыто изучая нового претендента.

— Да? Ну тогда познакомься, перед тобой лорд Франц Амбрелиаз, боевой офицер и порядочный во всех отношениях человек, — в том же тоне продолжил ректор — Лорд Амбрелиаз, Вы так жаждали знакомства с Виданой Берг, она перед Вами.

Высокий мужчина средних лет, короткие темные волосы с проседью, открытое красивое лицо, на котором выделялись ястребиный нос и темные глаза. Да, от такого должны сходить с ума многие женщины империи, странно, зачем ему я?

— Леди Видана, а мне не солгали, Вы очень красивая девушка, — улыбаясь сказал Амбреализ, его глаза тоже изучали меня.

— Лорд Амбреализ, разрешите мне задать пару вопросов?

— Да Видана, конечно. Вас, наверное, интересует, каково мое финансовое состояние, и в каких условиях Вы будете жить после замужества со мной? — понимающе уточнил лорд.

— Нет, меня интересует, каким образом боевой офицер, служивший далеко от столицы, узнал об обычной девчонке Видане Берг, бесприданнице, полукровке, и пожелал взять ее в жены? — мне не терпелось узнать в первую очередь именно это, кто-то же преподнес эту информацию лорду да в таком ключе, что он решил жениться.

— Давайте присядем, — мягко попросил он, — и спокойно поговорим.

— Спасибо, но я постою, насиделась за день. Но Вы так и не ответили на мои вопросы, и мне это не нравится.

— Видана, — он смотрел на меня удивленно, — а с чего Вы взяли, что я должен давать ответы на Ваши вопросы? Вы сами сказали: полукровка и бесприданница, значит, должны быть благодарны, что Вам сделано предложение, и просто согласиться на него. Однако Вы разговариваете со мной так, как будто рождены в

императорском дворце и имеете право на вопросы.

Магистр попытался что-то сказать, но моя ладонь взметнулась — подождите.

— То есть Вы хотите сказать, что маг, сделавший военную карьеру в императорской армии, небедный человек, решил облагодетельствовать ни с того, ни с сего незнакомую девчонку? Простите, лорд Амбрелиаз, но я Вам не верю. Нравится Вам или нет, но на заданные вопросы нужно дать ответы, в противном случае дверь за мной сейчас закроется с обратной стороны. И можете потом шантажировать леди Амилен тем, что устроите скандал в столице, опозорите, мне не страшно. Из Академии меня, я надеюсь, не выгонят. Ну, а если это произойдет, что ж... я с голоду не умру, найду себе применение и на хлеб заработаю. — Мой ледяной голос разносился по гостиной, я ощущала себя натянутой струной, а пальцы рук покалывало от напряжения. Я остро ощущала чужую странную игру. А ведь меня действительно принимали за другую девушку, и сейчас я, кажется, поняла за кого.

— Милая девушка, — удивленно начал лорд, — я не понимаю, а почему Вы в штыки принимаете мое предложение, что Вам не нравится? Я, конечно, понимаю, Вы юны и романтичны. Скорее всего, в Академии есть адепт, в которого Вы влюблены, но поверьте, это пройдет. Когда Вы

выйдете за меня замуж, будете представлены ко двору, а какие возможности открывает лично Вам брак со мной, по наивности своей Вы просто не осознаете. Балы, театры, драгоценности, наряды — да Вы будете счастливейшей женщиной в империи, а за все это я прошу совсем немного: выйти за меня замуж и родить детей.

— Потрясающе, лорд Амбрелиаз. Какую шикарную картину Вы нарисовали, вот только объект выбрали неправильно. Я ничего из сказанного Вами не желаю, вообще ничего, понимаете?

— Лорд Амбрелиаз, — лениво произнес ректор, не сводя глаз с мыска своего мокасина, которым он покачивал в такт своим думам, — как руководитель учебного заведения, в котором данная адептка обучается пятый год, позвольте дать Вам небольшой совет. Он, вполне возможно, прольет свет на упрямство юной особы.

— Лорд Эрмитас, я думаю, что Ваш совет будет бесполезен, — холодно высказался претендент на мою руку, — я не отступлю. Эта девушка, согласна она или нет, выйдет за меня замуж.

— А что это Вам даст, — насмешливо поинтересовался ректор, — свое самолюбие, Амбрелиаз, Вы будете тешить ровно до того момента, пока не поймете, что не помните ни одной

ночи, проведенной с этой леди. Вы что, действительно думаете, что перед Вами стоит белая и пушистая феечка, на которую лишь повесишь голос, как она расплачется и в надежде прощения бросится в Ваши объятия? Не питайте иллюзий. Я не знаю, кто и что Вам наговорил про Видану Берг, но ее воспитывали как мальчишку, она многое умеет, и не сбрасывайте со счетов женское коварство. Мило улыбаясь Вам, эта юная леди, не моргнув глазом, будет подносить каждый вечер чай из сонных трав и еще кое с чем, — он улыбнулся. — В один прекрасный день Вы обнаружите: карьера развивается, Вас ценят по службе, но жена исчезла и более того, на руках у нее будет документ, который Вы подпишите собственноручно о том, что дали ей свободу.

— Лорд Эрмитас, почему Вы клевете на девушку, и я в изумлении, что молчит попечитель. Лорд Тримеер, Вы согласны с его мнением? — Амбруазиас переводил удивленные глаза с ректора на магистра.

— Не знаю, как мой попечитель, — опередила я лорда Тримеера, — а я полностью разделяю точку зрения ректора, он еще хорошо обо мне думает. Все будет намного хуже, я сбегу еще до свадьбы, и найти меня будет весьма проблематично. Так что давайте вернемся к заданным мною вопросам, пожалуйста.

— Видана, сядьте, мне неудобно, мы все сидим, а Вы стоите, — попросил Амбрелиаз, — я все расскажу.

Я подошла и села рядом с ректором.

— Много лет назад я служил в военном гарнизоне на границе империи. Во время нападения сингаритов меня, молодого офицера, почти мальчишку, спас от неминуемой смерти офицер, его звали Гай Берг. Я так понимаю, Видана, он Ваш дед. И тогда, навестив Гая в лазарете, а ранения были очень тяжелые, я дал клятву, если потребуется ему или его семье помощь, я окажу любую. Год назад я был на императорском приеме, и там ко мне подошла леди, она напомнила мне о клятве и сказала, что внучка Гая, Видана Берг, обучается в Академии магических искусств. Девушка очень стеснена в средствах, ее не забирают на каникулы домой, так как родственников у нее нет. Когда я спросил, как мне помочь устроить жизнь сиротке, она ответила, что самое лучшее — взять ее замуж. Девушка хороша собой, здорова и совсем неглупа, а значит, сможет родить для меня умных и сильных детей. Я задумался, решил все выяснить, а осенью мне пришло письмо. В нем говорилось о том, что если я не потороплюсь, то Видана Берг может погибнуть. Как оказалось, на нее стали заглядываться из таких семей, что ни одна из них не позволит своим

сыновьям жениться на полукровке и бесприданнице, а значит, лучшим выходом из ситуации будет гибель в результате несчастного случая или брак со мной. — Амбрелиаз замолчал на мгновение и продолжил, — я решил, что если бы Гай не закрыл меня собой, я давным-давно лежал бы в могиле. А так, я прожил немало лет, сделал блестящую карьеру, богат, но у меня нет жены и детей. Так почему не осчастливить сиротку, дав ей все, чего она лишена в жизни, а взамен получить благодарное, любящее сердце и детей, которым я смогу передать титул и состояние. Тем более что я слышал, Вы не относитесь к золотоискательницам, добры и справедливы, а значит, в состоянии оценить мой порыв. Юная леди, наша встреча судьбоносна, я благодарен своей покойной супруге Амилен Амбрелиаз за ее удивительную стойкость и благородство. Очень жаль, что я не смог похоронить ее, но я считаю нашу встречу подарком из Вечности, посланным Амилен. И потому я не отступлю, исполню клятву, что дал Вашему деду, будущая леди Видана Амбрелиаз.

— Лорд, Вы верите в судьбу? — удивился ректор, — еще один судьбовер, как же вас много.

— Да, и горжусь этим, — парировал раздраженно лорд Амбрелиаз, — я верю в судьбу и ее дары, и не понимаю, как их можно игнорировать.

— Почему мы все смертны? Даже величайшие

из магов не преодолевают барьера длиною в тысячу лет, и как потом, в Вечности, они распоряжаются накопленными знаниями? — интересная мысль, вот только в какой странный момент она возникла, тут от нежеланного претендента отбиваться нужно, а я о вечном.

На меня с потрясением смотрел Франц Амбрелиаз, мелькнула затаенная улыбка попечителя, и ехидно-насмешливый голос ректора, после которого в моей душе наступило спокойствие: «Лорд Амбрелиаз, Вам приходилось встречаться со странниками? Уверен, да. Понимать их сложно, они раздражают, ломая привычную картину жизни, в которой, благодаря судьбе, все разложено по полочкам: карьера, материальный достаток, счастливая семейная жизнь, жена-красавица и несколько детей с ангельской внешностью».

— Лорд Эрмитас, мы не в Вашей Академии магических искусств, и я не Ваш адепт, можете не читать мне лекций. Я знаю, кто такие странники, они не от мира сего. И хвала Черной Луне, что их так мало в магическом мире, и просто прекрасно, что их нет среди женщин, — раздраженно прервал его Амбрелиаз, — я вообще-то уверен, что маги становятся странниками от переизбытка всего: денег, женщин, имений и славы. Извините, леди, я грубо скажу, не нужно бы Вам этого слышать, но

странниками становятся от состояния — зажавшись.

— Поняла, адептка, что с тобой случилось? — ехидно спросил меня ректор. — Ты просто зажралась. Вот не пойму, откуда в тебе это? Вроде приличная девушка, не из богатеньких, и туда же, искать ответы на фундаментальные вопросы устройства мироздания.

— Спасибо, лорд Амбрелиаз, за рассказ, — поблагодарила я, — и начнем, помоги нам Черная Луна, распутывать, не торопясь, эту историю. Скажите, кто кроме Вас и моего деда знал об этой клятве?

Попечитель и ректор молчали, но при этом слушали очень внимательно.

— Видана, никто. Я никогда никому об этом не рассказывал.

— Извините, позвольте с Вами не согласиться. Гай Берг, действительно мой дед, он воспитывал меня с пеленок до двенадцати лет и никогда, Вы слышите меня, никогда не упомянул об этой клятве. А если он не сказал об этом мне, значит, и ни одной душе на свете. Вспоминайте, лорд Амбрелиаз, если Вы действительно ее давали, то кому об этом рассказали?

— Милая девушка, а по какому праву Вы ставите мои слова под сомнения? — вспыхнул он.

— По одному единственному — мне очень не

нравится история, рассказанная Вами. Нет, клятву Вы могли дать и сколько угодно раз, но вот то, что Вы не помните, кому о ней рассказали, а Вами начали манипулировать именно клятвой, данной Гаю Бергу, это уже нехорошо, — пояснила я.

— Но я правда никому о ней не рассказывал, — ответил Амбрелиаз.

Я задумалась и погружалась все глубже и глубже в услышанный рассказ, что-то не давало мне покоя. Конечно, лорд Амбрелиаз вполне мог забыть о том, что рассказал о клятве, но с кем он мог поделиться?

— Видана, вернись немедленно, — голос попечителя откуда-то издалека, — не нужно этого делать.

Поздно, лорд Тример, уже поздно. Я вернусь, только получив ответ на свой вопрос. Звон в ушах нарастал с каждым мгновением, я поплыла, чувствуя только, как кто-то взял меня за руки...

На разобранной кровати в спальне сидит красивая молодая женщина в свадебном одеянии. Она, улыбаясь, смотрит на избранника, стоящего перед ней на коленях, но при этом ее глаза ледяные, презрительные и радости в них не видно. Молодой Франц Амбрелиаз счастлив, и он что-то говорит, говорит, покрывая поцелуями ее руки. Я стою у окна и жду, что-то должно произойти, зачем-то ведь

я здесь оказалась.

— Милый Франц, — произносит женщина на ее лице какое-то мучительное ожидание, — я хочу открыть тебе один секрет, ты должен его знать, на случай, если со мной случится что-то непредвиденное. Несколько лет назад я дала клятву человеку, оказавшему мне очень серьезную услугу, если потребуется моя помощь, я ее выполню даже ценой собственной жизни. Так что если я исчезну, от меня не будет известий, знай, я выполнила обещанное, и не горюй обо мне.

— Амилен, разве можно так безрассудно давать такие клятвы, — спросил он, потянувшись с поцелуем к ее губам. Я отвернулась к окну.

— Франц, какой ты счастливый, как хорошо, что в твоей жизни нет такой ноши, а у меня связаны руки, — горестно произносит новобрачная.

— Как странно Амилен, вот ты сказала и я вспомнил...

— Что Франц, что ты вспомнил? — завибрировал ее взволнованный голос.

— А ведь я тоже дал клятву, много лет назад, офицеру, спасшему мне жизнь. Я пообещал, если потребуется, то приду на помощь ему или его семье.

— О, Черная Луна, какой ты благороднейший мужчина, Франц, — ликующий женский голос бьет по ушам, — и кто он, этот офицер, где он сейчас?

— Его звали Гай Берг. Его комиссовали после того ранения, а сейчас он живет с внуком Троем Бергом, тот служит на границе империи, кажется в местечке...

По лицу потекла вода, кружилась голова, и сушь, страшная сушь во рту.

— Пить, — только и прошептала я, открывая глаза.

Попечитель, он держал меня за руки, пока я гуляла в прошлом по чужой спальне, поднес к губам стакан. Делая глоток, услышала как зубы стучат о край стакана от возмущения и обиды.

Окончательно вернувшись в реальность, взяла из рук ректора салфетку и промокнула лицо, на которое кто-то из них выплеснул стакан воды. И хороша же я была в мокром платье и растрепанными волосами. Не обращая внимания на округлившиеся глаза лорда Амбрелиаза, попечитель провел ладонью над мокрыми пятнами на платье, и они высохли.

— Рассказывай, — потребовал ректор, лорд Тримеер вернулся в свое кресло.

— Лорд Амбрелиаз, конечно, Вы все рассказали о клятве в первую брачную ночь своей жене Амилен Амбрелиаз, — сказала и отметила, как у попечителя вытянулось лицо, а у Амбрелиаза покрылось красными пятнами.

— Ты что, в их спальне оказалась? — вдруг захохотал ректор, — ну, Видания, ну учудила, и как много ты там успела увидеть?

— Вот ничего такого, от чего стоит краснеть, бледнеть и терять дар речи. И вообще, обнаружив пару в спальне, я стояла к ним спиной в окно смотрела и ждала... дождалась. Сначала леди Амилен рассказала о клятве, данной ею, а потом и лорд Амбрелиаз вспомнил, что когда-то клятву дал. И ведь что интересно, она все вытянула из Вас лорд Амбрелиаз, кому дали клятву, где живет это офицер... так что, извините. Никакой у нас с Вами помолвки не будет, Вас пытаются использовать вслепую, и мне это не нравится.

— Но погодите, Видана, Вы мне понравились, и я желаю этой помолвки, зачем Вы сопротивляетесь? — рассердился лорд Амбрелиаз.

— А для чего Вам жена? — спросила я.

— Как для чего? Жена будет вести дом, рожать детей, любить меня, вместе со мной присутствовать на балах... Вам неизвестно для чего жена нужна? — удивился лорд, — я сделаю так, что Вы получите домашнее образование, и не придется в Академию возвращаться. И потом, я выполню клятву и не буду обязанным больше Гаю Бергу и его семье.

— Лорд Амбрелиаз, Вы очень хотите выполнить клятву, данную моему деду?

— Да, это вопрос чести. Я хочу освободиться от нее.

— Все понятно. Я, как внучка своего деда, предлагаю: Вы женитесь на Генриетте Тримеер — она более всего подходит под Ваши требования жены, — и клятва погашена.

И в ту же минуту распахнулась дверь и в гостиную вплыла Генриетта. Подслушивала, поняла я, не обращая внимания на рассерженные глаза лорда Амбрелиаза. А его взгляд переместился на Генриетту, и лорд онемел, глаза округлились, ноздри затрепетали.

Высокая, стройная женщина с белокурыми волосами, забранными высоко на затылке и спадающими каскадом, локонами по спине, ярко-голубыми глазами и нежным румянцем на щеках, в декольтированном платье алого цвета, Генри сразила лорда наповал с первого взгляда.

Франц Амбрелиаз поднялся, чтобы поприветствовать вошедшую, да так и остался стоять, пожирая ее глазами, а Генри, наслаждаясь произведенным эффектом, присела в реверансе и, опустив стыдливо глаза, произнесла: «Извините, нас не представили друг другу. Сегодня дом полон гостей, я только хотела выяснить, по какому поводу здесь бушует Видания».

— Все леди и лорды, — вырвалось у меня, — дальше разбирайтесь сами, а меня сказки ждут. —

И не оглядываясь, стремительно вылетела за дверь, едва не сбив с ног подслушивавших за ней леди Амилен и леди Гертруду.

Они захихикали, увидев, как полезли наверх мои брови, и вернулись к своему занятию, а я побежала к себе, чтобы ворвавшись в свои покои, разрыдаться от непонятно откуда взявшихся слез и начавшейся истерики.

Как долго я плакала, не знаю. А потом умываясь, смотрела на себя в зеркало ванной комнаты и думала о том, что леди Амбрелиаз, жива и именно она приложила руку к смене малышей. Толкая бывшего супруга на брак со мной, она была уверена, что Видана Берг настоящая дочь Амилен Рамон и Фетарха X. Она мстила своей бывшей сопернице, которая оказалась счастливее ее, была любимой женщиной императора. И орудием этой мести выбрала дочь леди Амелин. Сначала малышка должна была вырасти на границе империи, в деревенской избе, а потом оказаться юной женой в какой-нибудь брачной партии, совершенно не подходящей для императорской дочери.

Приведя себя в порядок, я отправилась в библиотеку, где, не зажигая светильника, свернула калачиком в кресле, предварительно подвинув его к окну. Звездное небо за окном жило своей жизнью. Звезды загорались и гасли, а я

просто любовалась ими, а в памяти всплыли слова отца: «Лорд Тримеер, дайте слово, что Видана не станет игрушкой в играх высоких родов». Так кто же я, если не игрушка?

— Ты Видана Тримеер — умная и сильная девушка. А желающих сделать тебя игрушкой будет предостаточно, и представь я тебя лет в двенадцать, неизвестно, как бы все сложилось, — раздался спокойный голос попечителя, внезапно появившегося в соседнем кресле, — а сейчас ты сама разрушишь любые каверзные планы в отношении тебя.

— Лорд Тримеер, что происходит внизу? — не задать этот вопрос я не могла, интересно же, как там продвигаются переговоры.

— Все в большой гостиной. Там идет увлекательное действо, мама и бабушка вершат судьбы, — усмехнулся он, — а мы с Артуром присутствовать отказались, он слишком ехиден, я рассержен. Составь нам компанию, мы ужинаем в маленькой гостиной.

Я кивнула и, поднявшись с кресла, отправилась следом за ним в гостиную, где сидел на диване ректор и листал какую-то книгу.

Ужинали в тишине, вот только ректор нет-нет да взглянув на меня начинал улыбаться, я не выдержала.

— Лорд Эрмитас, а почему Вы смеетесь?

— Видан, я как вспомню, что ты в спальню к новобрачным попала, так смех разбирает. Вот сколько ты ждать была готова? Глядишь и свечку бы подержала, — ехидничал он.

— Столько, сколько нужно. А знаете, леди Амилен не производила впечатления счастливой невесты, улыбалась, но вот глаза были ледяными.

— Видана, ты плакала, — сказал попечитель, — тебя так сильно расстроила вся ситуация?

— Лорд Тример, Вы же прекрасно знаете, за кого меня принимают на самом деле, и после общения с лордом Амбрелиазом я окончательно уверилась, кто стоит за сменой малышей.

— Расскажи, — потребовал ректор.

— Да особо и рассказывать нечего, мы именно об этом и говорили в городском доме. О той самой леди.

— Да? Вполне возможно, — согласился ректор, — так за кого тебя принимают?

— За Тамилу Рамон. Леди уверена, что я — это настоящая Тамила. Смотрите, как она старается вывести сестренку из игры. Мягкие варианты, похоже, исчерпаны, лорды. А следующий, тот самый, о котором сегодня сказал Рофальдер.

— Ты сейчас о чем? — удивился ректор, — Ольгерд, я чего-то не знаю?

— Да, я не успел тебе рассказать подробности

разрыва помолвки Рофальдера и Генри, но я не слышал, что он тебе пообещал, Видана? Я прибыл, когда бывшего жениха и след простыл.

— Картинка грядущих событий: снег, расprostертое тело на нем, лужа крови. Жизнь продолжается, но без меня, — странно, я такая спокойная оттого, что в истерике выплеснула весь свой страх?

— Мы этого не допустим, — тихо сказал магистр, — все будет в порядке.

— Я уверена в этом, но попытка будет, обязательно. Спасибо, можно я пойду к себе? Сегодня был на редкость длинный и насыщенный день.

Я вошла в покои и зажгла светильник, укладываясь в постель, открыла книгу со сказками. Ого, это что-то интересное. С картинки на меня смотрел мужчина непонятного возраста с печатью страданий на лице, обнимающий пожилую женщину за плечи, и название «Отверженные».

Эллан исчез, но никуда не делась слепая материнская любовь, проклятие на крови не вырвало из сердца матери сына. Ведя тихую, уединенную жизнь в родовом замке, Мирра, мать Эллана, по ночам не ведая сна, бродила по широким галереям, ее сердце обливалось кровью, а глаза не просыхали от горячих слез. Она все готова была отдать, лишь бы еще раз увидеть любимого сына, она даже не винила его в убийстве

мужчин рода. Регина рода Уна зорко наблюдала за всеми, но однажды к ней приехал младший сын Мирры и упал на колени.

— Регина, помоги нам, матушка не спит ночами, она бродит по залам и галереям замка, плачет и зовет Эллана. Если и правда, что в Подлунном королевстве появился сильный черный маг Игнатиус, изгнанный из нашей империи, то мы очень боимся, что матушка докричится до него, и эта встреча закончится бедой и не только для нее, но и для нас.

Выслушала его Уна, горюя в сердце своем о материнском безумии, и пообещала, что сразу после Праздника Черной Луны прибудет в замок, чтобы помочь разобраться в создавшейся ситуации, но опоздала. В полнолуние, когда грань между мирами тонка как никогда, бродила Мирра по замку, умоляя сына явиться пред ней, и вдруг распахнулась дверь комнаты, неизвестно откуда взявшаяся. Без тени страха вошла Мирра в нее и оказалась в комнате Эллана, той самой, что спрятала от всех Уна.

Мы не знаем, что происходило там, но три ночи комната появлялась из небытия и распахивала дверь перед Миррой, которая как влюбленная девчонка рвалась в нее. После полнолуния комната исчезла на многие столетия.

А через девять месяцев покои Мирры огласил плач новорожденного, а она сама, взглянув на сына, со счастливой улыбкой на губах ушла в Вечность. С болью смотрела Регина рода на малыша, а затем промолвила: «Ребенок не виноват в случившемся. Кто возьмет его в

свою семью?» — и повернулась к детям Мирры.

— Я, — от окна к постели покойной двинулась тоненькая фигура жены младшего сына Мирры, Эльфриды, — я возьму малыша и воспитаю, как своего собственного ребенка, надеюсь на ваше благоразумие. Тармис, я так назову сына, не должен узнать, как он появился на свет, пообещайте мне это.

И все пообещали. Эльфрида оказалась прекрасной матерью, Тармис рос в счастливой семье, и ничего не предвещало беды. Пролетали годы, века, и вот уже потомки Тармиса идут по земле, сохраняя в памяти благодарные чувства к маленькой смелой магине Эльфриде.

Но в книгах одной из ветвей этого рода история была записана, и однажды она попала в руки жадные и загребущие. Прочитал владелец книги эту историю и крепко задумался. Потомки Тармиса шли параллельно прямой линии рода, были магами талантливыми и богатыми, и позавидовал он им и возжелал их богатства для себя.

В семье потомков Тармиса росла дочь, единственный ребенок. Вначале родственник, Гай Крутис, решил заполучить ее в жены, но не успел. Юная красавица была фрейлиной при дворе императрицы, и внезапно ее решили выдать замуж. Бросилась юная фрейлина за помощью к семье, умоляла не выдавать замуж, просила защиты. Но Регина рода прикинула, если слухи дошедшие до нее правда, что под сердцем фрейлина носит ребенка императора, то не нужно противится желанию императрицы и выдать ее замуж

за того, на кого пал жребий высокой особы, а затем найти предлог и потихонечку забрать бастарда в свою семью.

Регина уже потирала руки от своего хитрого плана, когда в один из дней узнала, что девушку оклеветали и никакого ребенка императора у нее не будет. Долго думала старая Регина, как выйти из этой ситуации, не потеряв лица, когда пред ее очами предстал Гай Крутис и, рассказав историю о рождении Тармиса, предложил отвергнуть несчастную из рода с ее ребенком-полукровкой, а состояние разделить на двоих. Вся грязную работу он взял на себя, и Регина, ужаснувшись той, старой истории, да будет ей Черная Луна судьей, благословила его на это деяние.

Юная фрейлина овдовела еще до рождения ребенка и осталась без средств к существованию. Бесплезно обращалась она с мольбами к родственникам, молила Регину позволить ей вернуться, а та холодно ответила, что ее предок Тармис появился на свет незаконнорожденным, и потому у нее никаких прав на имение, состояние и имя рода.

К счастью, мир не без добрых людей. Потеряв свою единственную и любимую дочь, старший офицер гарнизона, где прозябали мать с сыном, фактически удочерил ее и приложил силы и средства для того, чтобы ее жизнь и жизнь сына были достойными. Воспитав мальчика, как собственного внука, он сделал все, чтобы тот поступил учиться в хорошую академию и перевез названную дочь в столицу, где приобрел дом. Умирая, он оставил все имущество им, обеспечив

безбедное существование.

Вчерашний мальчик окончил академию и начал профессиональную деятельность на поприще следствия, познакомился с очаровательной женщиной и мечтал о счастливой семейной жизни. Когда об этом узнали родные его любимой магини, они были оскорблены до глубины души тем, что не маг пожелал разделить жизненный путь их дочери и сестры. Тогда его мать решила раскрыть ему правду о том, к какому роду они относятся.

И вот мать и сын стоят на крыльце дома, где прошли ее счастливые детские годы. Дверь открыл слуга, окинул их презрительным взглядом, но, тем не менее, провел в гостиную. Из кресла поднялся постаревший Гай Крутис, увидев женщину, чью жизнь он разрушил из-за алчности, рассвирепел и начал кричать на нее, вопрошая, по какой причине она, правнучка своего недостойного предка Тармиса, посмела переступить порог дома, на который ее семья никогда не имела права. А затем приказал выставить их за порог.

Шок, который пережили мать и сын, не описать словами. Женщина безудержно горевала долгое время, все вспоминая гадкие слова, произнесенные Гаем Крутисом в отношении ее предка, а ее сын потерял надежду обрести счастье с любимой женщиной. А затем произошло несчастье в роду, к которому они оба имели отношение. Пропали муж с женой, в роду шептались, что сам Игнатиус забрал их в Подлунное королевство.

Наш герой решил расследовать это исчезновение и побывал в родовом замке пропавшей семьи, а через некоторое время погиб страшной смертью, и опять все следы вели к Игнатиусу. Он был заинтересован больше всех, чтобы дело не было раскрыто никогда. Черные тучи сгустились над несчастной матерью, она потеряла сына и память о прошлой жизни, на помощь пришел друг ее сына, которого он и заменил. Одиноким, не имеющим семьи и близких, он нашел отраду, скрашивая ее жизнь. А магиня, несмотря на уговоры семьи, ушла в Орден.

Гай Крутис не избежал наказания Черной Луны, его сыну пришлось взвалить на себя бремя, которого он меньше всего желал, и нести его долгие годы. Регина рода мучительно проживает год за годом, осознавая, что в Вечность дверь ей откроется только тогда, когда появится наследник рода, а преемница возьмет на себя тяжкий труд распутать узлы, завязанные нечистыми руками.

Но черные тучи всегда рано или поздно рассеиваются, и ночь заканчивается, наступает рассвет, а дневной свет показывает нам картины жизни совсем с другой стороны, не правда ли?

Я дочитала, книга закрылась, и дверь в покои приоткрылась.

— Леди Видана, Вы не спите? — Камея заглянула в покои и, улыбаясь, сообщила, — Ваша бабушка заключила обе помолвки. Франц Амбруаиз в восторге от леди Генриетты, свадьба

через три дня, она будет тихой, семейной. А матушке Эдварда понравилась Ирма Вандерлайт, в общем, все счастливы. Их свадьба после окончания учебного года, летом.

— Камея, как я рада за них, — улыбнулась я и, пожелав девушке спокойной ночи, затушила светильник.

* * *

Светало, я подскочила и начала собираться. Если лорд Тримеер доставит меня в библиотеку, то есть хоть и призрачная, но надежда, что я что-то выясню. Быстро оделась и выбежала из замка, мне предстояла пробежка, чтобы не потерять форму, бегать нужно каждый день. Холодный ветер обжигал лицо, покусывал нос, но я была счастлива, физическая нагрузка всегда радовала и давала удивительное ощущение жизни.

— Видушка, — раздался голос, — а на мечях потренируемся? — От замка ко мне спешил лорд Генрих.

— Хорошо, дедушка, я скоро вернусь, — и помахав рукой, убежала дальше.

Пробежав намеченную дистанцию, я вернулась к замку, лорд Генрих разметил площадку и подавал мне меч.

— Мы недолго, Видуша, а то Ольгерд тебя с

собой в столицу забирает, велел не затягивать.

Встав в боевую позицию, дала право первого удара деду, а затем, резко уйдя в сторону, оказалась за его спиной, коснувшись мечом его спины.

— Ну вот, — печально вымолвил дед, — убила.

— Нет, мы продолжаем, слишком быстро все закончилось.

Мы кружились в боевом танце, не замечая удивленных лиц, смотревших на нас из замка.

— Все, лапушка, загоняла ты старика, на сегодня хватит, — запыхавшись, предложил дед, — завтра продолжим.

Я подбежала к нему, чмокнула в щеку и, отдав меч, побежала приводить себя в порядок. В гостиной были все в сборе, изумленно глядя на меня, Генриетта спросила: «Видана, а чем это ты занималась на улице? Приличные леди ходят степенно, медленно, а ты носилась как простолюдинка на базаре».

— Ну вот, сейчас знаем, кто я, — рассмеялась, усаживаясь за стол рядом с попечителем, — а значит и вопросов о том, что и как я делаю, возникать не должно.

Вошедший следом лорд Генрих просто сиял, поцеловав в щечку леди Амилен, от чего та зарделась как девчонка, довольный заявил: «Амилен, внучка меня сегодня победила, но я не сдамся, мы